

Процедуры интерпретации характерны для современного уровня развития знания. Так как интерпретация посвящена поиску смысла, соответственно, она всегда субъективна, т.е. предъявляет присутствие интерпретирующего или субъекта в знании как интерпретации. Сам интерпретирующий открывает новый текст, который также может быть интерпретирован. В аспекте интерпретации познание становится бесконечным процессом получения знания.

Литература

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. с нем. Е. В. Борисова. М.: Канон +, 2011. 144 с.
2. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–60.
3. Загадка человеческого понимания: сб. ст. / сост. В. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. 352 с.
4. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ, 1991. 192 с.
5. Михайлов И. А. Шлейермахер. Новая философская энциклопедия. В четырех томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. IV. С. 389-390.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретации. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
7. Рикёр П. Парадигма перевода [Электронный ресурс]. URL: www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20001102.html (дата обращения 29.10.2018)
8. Шлейермахер Ф. Особенности технической задачи // Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 207-238.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
10. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. А. Н. Ковалёва. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.
11. Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг / пер. с фр. и прим. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010. 264 с.

Понять чудо: опыт культурной антропологии

Гильмутдинова Н.А., Ульяновск

к. филос. н., доцент кафедры философии,
Ульяновский государственный технический университет

В статье представлена этимология понятия «чудо». Вся культурная история человечества эксплицирована через динамику изменений в понимании фе-

номена чуда: обыденное – религиозно-философское – современное, неомифологическое.

Ключевые слова: чудо, понимание, удивление, трансцендентное, Иное, знамение, преобразование.

N.A. Gilmutdinova, Ulyanovsk,

To understand the miracle: the experience of cultural anthropology

The article presents the etymology of the concept of “miracle”. The whole cultural history of mankind is explicated through the dynamics of changes in the understanding of the phenomenon of miracle: ordinary – religious and philosophical – modern, neomythological.

Keywords: miracle, understanding, surprise, transcendent, Other, sign, transformation.

История чуда – это история человечества. В зависимости от того, как мы понимаем чудо, таковы и мы сами, такую сказку мы превращаем в быль. А поскольку чудо понималось по-разному, то и столь разные мечты становились явью. И явь, на пороге которой сейчас, в начале XXI века и третьего тысячелетия, мы находимся, есть, собственно, реализация наших нынешних представлений о чуде. Замечу, между тем, что представления о чуде, в том числе и сегодняшние, весьма неоднозначны.

Первым делом необходимо прислушаться, что говорит нам о чуде, его культурной истории и современности, язык.

Прежде всего, русское слово «чудо» в родстве с «чутья», что настраивает на неподконтрольную разуму, магическую открытость некой неочевидной информации. Однако, если отдалиться в языковом поле, то возникает древнегреческое «кюдос» – «слава, честь». Тут язык дает нам указание, что чудо связано с прославлением, что прославляют его и оно, в свою очередь, прославляет своего творца; что вообще оно неким образом связано с высшим, возвышенным. Все это – положительные значения, но есть и множество отрицательных. К примеру, в позднем церковнославянском «чудо» испытало влияние слов «чужой», «чуждый». Слова же ряда «чужой» сближаются со словом «чушь», а через него – с глупостью, ерундой, пустяками и даже безумием. В свою очередь, «чуши» родственны «чуха» и «чушка» – обозначение болванки, которую сбивают при игре в городки.

Этот этимологический ряд (от «чутья» и «славы» к «чуши» и «чушке», от значений близких к далеким) может служить моделью истории представлений о чуде.

Вначале – архаическая магия, когда чутье связи между вещами заменяло отсутствовавшее рациональное представление о причинности. Необходимо вызвать дождь – окропляют водой жреца, нужно убить врага – пронзают стрелой его след на песке. Идет дождь, умирает враг, – всякое событие становится чу-

десным. На уровне этого чутья чудом оказывается все. И именно поэтому оно – абсолютно рядовая реальность, никакое не чудо с нашей точки зрения.

Затем – прославляемое человечеством чудо Вифлеемской звезды, путеводного небесного знака, которым восточные мудрецы были приведены поклониться новорожденному Спасителю мира, за которым пошло христианское человечество.

В конце же концов – чудо-швабра, чудо-пятновыводитель и прочие чудеса рекламы и технологического оснащения быта. То есть чудо становится такой же рядовой вещью, как в архаико-магические времена. Впрочем, разберемся в этом подробнее, ведь нельзя забывать, что слову «чудо» родственно также и слово «чудовище».

Чудо является одним из архетипов человеческого сознания, оно универсально присуще всем народам во все времена. Потребность человека и человечества в чуде неизменно константна, хотя, замечено, что в особые времена, переломные эпохи (обычно это рубежи веков и тысячелетий), когда пассионарность увеличивалась, люди особо жаждали чуда.

Необходимо выделить две существенно различающиеся трактовки понятия «чудо». С одной стороны, это тот вид чудес, которые издревле известны человеку: некие удивительные, необычные, дивные явления – то, что вне нормы, что отклоняется от привычных вещей и традиционных порядков, причем такое чудо может быть и катастрофической, и приятной неожиданностью. Другой вид чуда – это некий прорыв трансцендентного в мир имманентный, прорыв потустороннего в посюстороннее, это некое вторжение других миров в наш мир, это встреча с Иным.

Для формирования такого (второго) понимания чуда мало обыденных представлений о необычном, необходима развитая философская теория Иного Мира, идеалистическая концепция Иного Мира, принципиально отличного от нашего хронотопа. Возникает это понятие чуда в философии Древней Греции, когда, собственно, основанием так называемого «греческого чуда» (очень значимый каламбур!) явился прорыв мысли в область принципиально Иного бытия.

Позже философско-платоническая линия понимания чуда нашла воплощение в концепции неоплатоника Плотина, развивавшего представление об эманации (излиянии чуда в наш мир) и об экстазе (воспарении к чуду из нашего мира). Линия Плотина была дополнена представлениями о личном Боге, возникшими среди арабийских песков, – такое соединение в христианстве обуславливает формирование особого представления о чуде.

Если в греческой традиции чудо – это все-таки нечто необычное, удивительное (согласно Аристотелю, удивление породило философию и приблизило ее к чуду), то в иудейской традиции чудо – это знамение, то есть закономерный, неслучайный, символический показ чего-то сверхъестественного. Бог как личностное начало нарушает естественный порядок вещей, проявляя свою волю и – вмешиваясь в бытие.

Чудеса древнего мира, судя по набору семи чудес света, просты и понятны, поскольку их формула – увеличение обычного. Может быть построена простая

пирамида, а можно построить грандиозную, она и станет чудом света. Такова же природа Великой Китайской стены, являющейся еще более грандиозным аналогом египетской пирамиды. Или, к примеру, вундеркинд, чудо-ребенок, с которым у нас ассоциируется талантливый мальчик/девочка, необычайно рано демонстрирующий восхищающие взрослых способности и умения. Это одно понятие. Чудо-ребенком был и младенец Иисус, которого Ирод пытался уничтожить. Однако, одно дело – ребенок с экстраординарными способностями, а другое дело – существо таинственное, сверхъестественным образом явленное в мир в результате непорочного зачатия, чудесное появление (и спасение) которого начинается новую эру. Наблюдавшие Иисуса требовали от него чудес, он же являл слова и знания, которые были новым, подлинным чудом, чудеснее всех известных чудес. Поэтому уже первые Отцы церкви утверждали: я верю, потому что это абсурдно (Тертуллиан). Чудо должно быть абсурдно, только тогда это подлинное чудо.

Греческая философия представляла чудо еще и как прозрение. Есть ход мысли, который предсказуем, а есть удивительная и неожиданная способность увидеть за предметом идею, эйдос. Важное для греческой философии слово «ум» («ноос» или «нус») первоначально имело значение вдруг-прозрения. Неожиданно приходящая мысль для философа была чудом. Парадоксальность умозрения по-гречески состояла вот в чем: греки первыми изобрели логику как искусство (технику) жесткого доказательства претендующих на истинность положений. Но при этом все мудрецы (от Парменида и Зенона до Гераклита и Платона) считали, что эта жесткая механика обоснования даруется чудесным образом Богинями, благодаря прозрению. Отсюда – шаг к еще одному представлению греческого «чуда»: чудо есть освобождение. Первыми открыв причинно-следственную связь явлений, древнегреческие философы первыми ужаснулись тому, как она определяет, заковывает человека в цепи необходимости, не давая из них вырваться, и чудо в этом смысле было способом освобождения.

В средневековом христианстве возникают совершенно новые понимания чуда, жесткой границей отделяя античную культуру. Хотя во всех периодах истории есть и сакральное и профаническое представление о чуде, истинной эпохой истинного чуда стало христианское средневековье.

Западноевропейское средневековье обладало совершенно уникальной концепцией и опытом чуда. Есть вещи, о которых можно коротко сказать, они понятны, – например, чудо откровения, с ним связано чудо знамения. Действительно, Бог, открываясь, дает знаки, которые могут быть только необычными. Это загадки, которые нужно разгадывать, с которыми нужно жить. Знаки с небес, знамения задают человеку вопросы и подталкивают к какому-то решению. Уникальность этого средневекового понятия чуда – это, прежде всего, концепция преображения личности. Позднее, начиная с Возрождения, в понимании чуда возобладало представление о том, что это просто нарушение пространственно-временной структуры, что чудо – это нечто аномальное в привычно естественном ходе бытия.

Понимание чуда, с одной стороны, как алогичного, парадоксального, невозможного определяло культуру Запада, побуждая совершать невероятные и немыслимые поступки, выискивать химеры и гоняться за ними. С другой стороны, – это всегда был поиск сверхзначимого, имеющего самый основной и непреложный смысл. Чудеса, о которых мечтали и писали средневековые философы, теологи и герои были чудесами высшего, запредельного смысла. Именно поэтому состоялась эпоха крестовых походов, поиски Чаши Грааля и Нового Света, явившими всему христианскому миру чудеса героического энтузиазма. Завершением этой эпохи стали походы Наполеона, заявление которого – «Ищите невозможного, и получите все» – стало своеобразным девизом западной цивилизации*.

В мире западной культуры кризис христианского понятия чуда начался давно. Утрата концепции чуда обусловлена постепенной секуляризацией, расцерковлением культуры в Новое время и эпоху Просвещения (потом этот процесс происходит и у нас, в православном мире). Происходит понимание невозможности чуда как такового в реальности, и все авангардное искусство XX века посвящено этой теме, оно кричит о невозможности чуда в современном реальном мире.

Культура постсовременности, в которой Бог умер, вообще отказывается от ранее фундаментального для нее понимания чуда как Иного, поворачивает вспять к чуду как диковине, превосходящей обычные нормы, к компьютеру с необыкновенно быстродействующим процессором. Прагматизация чудес в современном мире привела к тому, что ангелов заменили летающие тарелки. Русский фольклорный мем «чудо чудное, диво дивное» удобен для различения двух эксплицируемых моделей: чуда в строгом, философско-теологическом смысле и в смысле природных либо рукотворных, научно-технологических, удивительных явлений. Кстати, в случае чудес, дарованных наукой, последняя выступает как прямая наследница магии. Наука также творит чудеса, и, как в приведенном в эпиграфе к статье фрагменте из советской песни про космонавтов, «открывает *другие* миры»; – другие, но имманентные, такие же, как наш.

Отторжение от чудес, которое происходило по мере кризиса Средних веков, утвердило в жизни жесткую детерминационную связь причины и следствия. Эта связь разочаровывала всех: и инквизиторов, и их жертв. В Новое время осуществляется активный поиск выхода из этой новой предопределенности, и находило их, например, в необычных моделях образа жизни. XVIII век, век Просвещения, порождает целую культуру авантюристов, а позднее – и революционеров. По мере того, как истончалось христианское понимание чуда как откровения и знамения, набирали силу нравственный авантюризм, оккультизм и истерика насилия.

Особую значимость в наши дни обрело все-таки другое замещение утраченного чуда откровения – более обыденное и трезвое. Такое перемещение «чу-

* При всем пафосе и энтузиазме призыва Наполеона, в нем уже довольно явно просматривается прагматизация возвышенных целей христианской Европы.

десного» в повседневно-прагматическую сферу роднит нынешнюю цивилизацию с архаичными и восточными культурами.

Современными «дивными чудесами» наполнены Книга рекордов Гиннесса, они царят на всех экранах, практически во всех средствах массовой информации. Структурно-функционально, несмотря на все отличия от наших далеких предков, мы приближаемся к их ментальности. Живя в эревизуализации культуры, в эпохе неомифологии, современный человек отказывается от путешествий в невидимых мирах, где действуют совершенно иные, внечувственные закономерности, где рождаются чудеса.

Анализируя сложившуюся ситуацию, мы задаемся вопросом о том, к чему она приведет.

Авантюры, что могут заполнить нишу, образовавшуюся от отсутствия подлинного чуда, доступны далеко не всем. Не все могут быть корсарами или путешественниками-первооткрывателями (как в эпоху Ренессанса), террористами или революционерами; не всем понятны, слава Богу, и восторги оккультизма. Но есть доступный всем эрзац авантюры – провокативные стили приключенческих фильмов, боевиков, детективов и современных эстрадных шоу. Практически все карьеры «звезд» построены одинаково: подобно Иисусу, они рождаются в «яслях» – в негритянских гетто, в семьях бедных эмигрантов – и восходят на вершины славы, – таково чудесное (авантюрное, детективное) перевоплощение, только не наполненное ни высоким смыслом, ни спасительным значением. В мире политиков – та же история: сын сапожника Иосиф Джугашвили, дочь бакалейщика Маргарет Тэтчер, механизатор Михаил Горбачев и т.п. в руководящем мировом истеблишменте взошли на наивысшие места. Карьере «звезд» и политиков соответствует карьера товаров. Они тоже возникают в неизвестности, возносясь рекламой на пьедестал спроса. Общим же измерением всех этих "чудес" перевоплощения оказываются деньги, потому что популярность, власть и ходкие товары – это все деньги.

Таким образом, чудо в наше время все больше находит себя в сфере денежного обращения, а вся культура постепенно и бесповоротно трансформируется из идеалистической в монетарно-прагматическую. Деньги воспринимаются как тайные причины всех событий, а все события оказываются знаменем денег. К пантеону нынешних чудотворцев принадлежит мировая денежная элита и теоретики денежного чуда, самые главные чудеса XX-XXI веков – чудеса финансово-экономические. Но, с другой стороны, на рубеже указанных веков, в ситуации глобальных кризисов, информационно-коммуникационных проблем и мировой депрессии выясняется, что мнившиеся нам чудеса таковыми не были, поскольку все они слишком легко «лопаются». Думается, от прагматических заменителей чуда человечеству придется вернуться к «нормальному» для традиций западной культуры понятию чуда – откровению, знамению, преображению и спасению.

Наш мир о-граничен, и не только границами нашей слабости; возможности этого мира исчерпаны. Есть границы исчерпания, посюстороннего истощения. Из-за горизонтов всех и всяческих границ, Оттуда, может прийти не просто дивный фокус или удивительный феномен, но и нечто принципиально Иное, Иное с

большой буквы. Современность чревата осознанием этого обстоятельства, все готовы к этому Иному. Поэтому-то каждый ищет его в меру своих возможностей и своих способностей: кто – в виртуальных компьютерных путешествиях, кто – в экзотических сектах, кто – в летающих тарелках... Готовность людей сегодняшнего дня к Иному, многих тех, кто прозревает *действительную инакость* Иного, дает надежду на настоящую связность нынешней потребности в чуде и Спасения.

Чудо – это избавление от всего привычного, от мнимостей благополучия, от всех наших концепций и накопленных богатств. Весь этот мир требует от нас отказа. Чтобы чудо произошло, то, как в дзен-буддистском коане, надо совершить прыжок в ничто.

Где начало чуда? Чудо начинается с осознания катастрофы, когда ты стоишь действительно у последней черты/границы/стены. Именно в этот последний момент – акт вхождения в смерть, в небытие, в ничто, шаг – и происходит спасение. Потому что, если бы не было веры в чудеса, в то, что невозможное может стать возможным, то попросту статистика самоубийств была бы во много раз больше. Вера в чудо оберегает от тотального самоуничтожения.

История чуда в последние столетия и, особенно, в последние десятилетия, когда культура из-под флера идеализма переходит к мистической прагматике денег, представляется историей его (чуда) истончения и исчезновения. Но не означает ли это, что мы живем в самом конце истории вообще? Какую *сказку* нам делать былью? Если нам вообще нечего будет делать, то история просто не будет делаться, – ее просто не будет. А, может, существом истории человечества является задача, сформулированная Ж.-П. Сартром: «Человек – это проект человека»?

Дуализм ускользающего объекта

Кудрина С. А., Ярославль

к. филос. н., доцент кафедры философии,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Социальные науки стремятся охватить полностью или частично ускользающие от них объекты. К таким объектам относится ценность справедливости, исследование и практическое воплощение которой сопряжено с рядом сложностей в силу дуализма ее социологического и метафизического измерений, что приводит к противоречиям и содержит в себе риск редукционизма.

Ключевые слова: аксиология, ценности, дуализм ускользающего объекта, справедливость, социальное действие, отказ от метафизики.